Штрихи к портрету Михаила Львова

«ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ», № 38 (974), 18 сентября 1981 г.

«ОТБЛЕСК ВЕКА — НА ЛИЦЕ»

ЗАПОМНИЛОСЬ, как во время Дней советской литературы в одной из наших союзных республик выступал поэт Михаил Львов, с каким подъемом читал он свое стихотворение о жизни, славя ее «пронзительность», «удивительность», «единственность», с какой взволнованной искренностью звучали в его устах строки: «Я хочу обучаться, все предельно ценя, чуду каждого часа, чуду каждого дня». Эти стихи, полные оптимизма, радости бытия, так характерны и для всей поэзии Львова, и для его мировосприятия, биографии, судьбы.

Михаил Львов родился в татарском селе Насибаш в Башкирии в 1917 году. И есть что-то знаменательное в том, что отсчет жизни поэта, в чьем творчестве ярко отразился дух новой, советской эпохи, начинается именно с 1917 года, ставшего поворотным в человеческой истории. Мать Львова рано умерла, его отца, участника революции, колчаковцы хотели расстрелять, но смертный приговор был заменен 20 годами каторжной тюрьмы. Как вспоминал впоследствии поэт, его детство прошло между городом и деревней. «Я жил, — писал он, — в деревне, у отца, и в городе, в Златоусте, у бабушки». Занимался сельским трудом, умел косить, пахать, жать и сеять, водил трактор. В Златоусте, на индустриальном Урале, любовь к которому он сохранит навсегда, окончил школу. Работал в этом городе в депо, на металлургическом заводе. Учился в педагогическом техникуме в Миассе, работал в редакции газеты на Челябинском тракторном заводе. И писал, публиковал стихи. В 1937 году стал студентом-заочником Литературного института имени А. М. Горького, а потом перешел на очное отделение.

Жить в Москве было нелегко. Где только не случалось ночевать: и в телефонных будках, и на покатых прилавках газетных киосков, и в подвалах. Об этом поэт напишет много лет спустя. Вспомнит, как вместе с Михаилом Кульчицким они сняли комнату за городом, на станции Перловская, как у них не было постелей, как приходилось спать на газетах. Трудное время! И счастливое! Какое счастье жить и учиться в Москве, дружить с Михаилом Лукониным, Николаем Отрадой, Николаем Майоровым... Читали свои стихи, спорили, горячились... Михаил Львов слыл «неоклассиком»: он писал тогда ямбами, и в институте так называли приверженцев этого стихотворного размера.

А там, за роковым 1941-м, начнутся трудовые и фронтовые дороги поэта. Ему и его друзьям-сверстникам выпадет общая судьба. Оборвется жизнь Майорова, Кульчицкого, других поэтов-воинов, умолкнут их голоса, но навсегда останутся они в нашей литературе.

Львов, работавший на стройках и заводах Урала, будет зачислен в 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус, созданный по инициативе трудящихся Урала. Будут бои и сражения, прорывы и наступления на Украине, в Польше, Германии, Чехословакии...

В 1944 году в Челябинске вышла книга стихов Михаила Львова, которого товарищи по оружию называли «поэтом танкистов». Сборник «Дорога» проделал путь с Урала на фронт: бойцы получили его в посылках к празднику, вместе с подарками. Это были стихи о фронтовой действительности, об уральских добровольцах, об их отваге и стойкости. Прекрасные, мужественные стихи! В них не только люди, даже танки стремятся к победе. В стихотворении «Разбитый танк» металлу снится сон, что он «снова проходит прокат, и движется танком огромным, и пушкой глядит на закат...». Воины-уральцы не только читали эти стихи, но и переписывали их, посылали в письмах домой, своим близким. По свидетельству очевидцев, можно было увидеть потемневшие, обожженные огнем экземпляры книги «Дорога» — она горела в танках...

Вскоре после выхода сборника в свет, в ноябре 1944 года, в «Литературной газете» была опубликована рецензия Ильи Эренбурга. В этом отклике видного писателя и публициста на книгу малоизвестного тогда автора, в частности, говорилось:

«Я пишу о книге Львова потому, что в ней имеются прекрасные стихотворения, написанные действительно поэтом. Они сродни нашим дням. Родство это не только внешнее, тематическое... Стихи Михаила Львова могут показаться тихими, но, видимо, чем громче эпоха, тем строже поэт измеряет свой голос. Стих Михаила Львова приближается по строю к классическому; молодой поэт не одинок в этом возврате: и опять-таки я вижу здесь дух эпохи, стремление к строгости и простоте. Придет время возврата к стиху-разговору, к стиху-декламации. Но теперь мы благословляем гранит ямба, способный удержать душу в час половодья».

Поэт-фронтовик Сергей Наровчатов тогда же поздравил в письме своего друга с выходом книги, назвал ее талантливой...

Военная лирика Михаила Львова сильна своей правдой, прямотой, честностью. Война — это великая драма людей, когда каждодневно рвутся тысячи и тысячи, молодых в основном, жизней. Война несет смерть, страдания, разрушения. Такой она и предстает в стихах Львова. «И — где прошла ее дорога — из пепла гении кричат». Беспощадность, трагичность войны не закамуфлированы, обнажены. И, конечно же, прав поэт: «Привыкнуть к смерти не дано...» Боль может лишь притупиться (ведь столько видишь на фронте смертей!), но она остается. Однако это только часть правды в стихах Михаила Львова. Главное в них то, что они полны мужества, веры в правоту дела, ради которого люди идут в бой, навстречу смертельной опасности. Ради свободы и независимости Родины. Ради освобождения Европы от фашизма. Ради будущего. И вот уже рождаются звучащие, как реквием, строки:

Ушли — непреклонны,
Назад не пришли.
Спасли миллионы,
Себя не спасли.

Михаил Львов воспел солдата, воина, труженика войны, его героизм, упорство, железную выдержку. В 1943 году, в разгар битвы с фашистскими захватчиками, были написаны строки, давно уже почти хрестоматийные:

Чтобы стать мужчиной,
мало им родиться,
Чтоб стать железом,
мало быть рудой.
Ты должен
переплавиться.
Разбиться.
И, как руда,
пожертвовать собой.

И вот, кто уцелел, кто остался жив, вернулись «с праведной войны». Она победоносно завершена, но ее эхо, память о ней остаются, не исчезают. Она является и во сне: «Почему это сны не вернулись с войны?» И остается сознание вины — перед павшими, лежащими там, в бесчисленных братских могилах. Об этом с какой-то щемящей русской совестливостью писали Александр Твардовский, другие поэты фронтового поколения. Это волнует и Михаила Львова: «И с каждым годом разрастаться необъяснимой той вине. Нам никогда не оправдаться перед погибшими в войне».

Не случайно многие стихи Львова, в которых столько искренности, столько правды чувств и переживаний, стали песнями. Особенно известны такие, как «Сидят в обнимку ветераны», «Горячий снег», посвященный Юрию Бондареву.

На фронте Михаил Львов вел нечто вроде дневника, отмечал все то, что поразило его, запомнилось больше всего. «Главная моя страсть, — признался он однажды, — записывать жизнь, людей». Его фронтовые записки были частично опубликованы. Это волнующий документ времени, военной страды, свидетельство очевидца и участника событий. Он писал о разном. О том, как повар привез на передовую хлеб с застрявшими в нем пулями (фашисты обстреляли из пулемета). О том, что нередко, когда танкист, самоходчик открывал раскаленный люк, кожа оставалась на броне. О том, что, когда танк уходит в атаку, танкисты прощаются...

С тех пор у поэта много накопилось записных книжек. В них большой документальный жизненный материал, события и люди, факты и эпизоды, штрихи эпохи, и все это существует не само по себе, а связано теснейшим образом с поэтическим творчеством автора, определяя его гражданскую и художническую цельность.

Безусловно, Михаил Львов — поэт, которому в высшей степени присуще современное мироощущение, который влюблен в действительность, живет проблемами и заботами нашего времени. Он остро видит и чувствует сегодняшний день, чутко улавливает пульс многогранного и динамичного бытия. «Отблеск века — на лице», — пишет он, рассказывая о своей жизни, о пройденном пути.

Современность — душа поэзии Львова, это бросается в глаза, ощутимо сразу при чтении его книг. Поэт увлечен темпом нашей жизни, ее реактивностью, масштабами дел и свершений советских людей. Пристальное внимание к человеку, жадный интерес к тому, как он, современник, живет и трудится, заставили поэта объехать всю страну. Дальний Восток, Сахалин, Бурятия, Якутия, Красноярский край, Казахстан, Туркмения — где только не побывал он за послевоенные годы! И, разумеется, родной Урал, где в детстве «рос, жил у домны, как дома». Урал, без которого поэт — «как без души». Его стихи, посвященные родному краю, звучат точно признание в любви: «Всю жизнь его воспринимаю я, как живое существо, и — в мыслях — к сердцу прижимаю седую голову его». Побывать на Урале означает для поэта оказаться в родной стихии, увидеть знакомые с детских лет гигантские заводы, встретиться с замечательными людьми — тружениками и ветеранами войны. Это приобщение к истокам, эта непреходящая сыновняя любовь обогащают лирику Львова, вносят в нее новые, свежие краски и оттенки.

Александр Яшин писал о творчестве Львова, что это стихи счастливого человека. Действительно, этого нельзя не почувствовать, окунувшись в мир его поэзии. Она светла и мажорна, «...черный цвет — не про меня», — утверждает поэт. Но это выстраданная радость жизни. За плечами автора, как и многих современников, — война, труднейшие годы борьбы и испытаний. Счастье — в борьбе, в отваге. Об этом пишет поэт. Жизнь сложна и драматична — это изначально заложено в ней. И этим жизнь прекрасна, иначе у нее был бы привкус пресной дистиллированной воды. Лирический герой охвачен ненасытной жаждой жизни, жаждой работы, творческого труда. Жизнь — горение, жизнь — вечный труд. И вечный бой. «Круглосуточно — работа! Круглосуточно — и Жизнь!»

И в то же время острое, в чем-то трагическое ощущение краткости земного бытия, боль оттого, что можно не успеть выполнить, осуществить задуманное, довести до конца начатое. И здесь встают неизбежные проблемы жизни и смерти. Как каждого крупного художника, они волнуют поэта. Он пишет об этом с беспощадной правдой, предельной откровенностью:

«В этот мир я уже никогда не вернусь. Никогда. Никогда. Вот где страшная казнь. Миллиарды изведали эту боязнь. Как расстрелом, пронзила меня эта мысль. С той поры я ценю по-особому жизнь...»

Вся суть — в последней строке. Жизнь бесценна, надо радоваться каждому отпущенному судьбой дню, дорожить им, наполнить его до краев работой, клокотаньем мыслей и чувств. И как заклинание, как удивительный всплеск души: «Мне б утоление жажды таинственной — мне бы продление жизни единственной!» Настоящие, сильные стихи! Продление жизни не ради продолжения биологического существования, но ради труда и борьбы. И это прекрасно, потому что в этом выражен философский и мировоззренческий оптимизм. Конечно, человек не вечен, но надежда лирического героя — уйти из этого мира так, чтобы остаться в нем. И он обращается к современникам: «...Хоть ходить в невидимках, хоть невидимым быть, хоть остаться на снимках — вас оттуда любить...»

И еще одна тема, которая всегда близка Михаилу Львову, — призвание художника, его высокая ответственность перед временем, перед людьми, перед будущим. Чтобы сказать свое, особое, новое слово, необходимы смелость, дерзость; если их нет, то это будет поэзия прописных истин и унылой вторичности, бесконечных повторений и перепевов того, что уже было сказано другими поэтами ранее, когда это звучало свежо, как открытие:

Полнятся книжные полки
поэтами,
Строки пришли к нам,
столетья пронзя.
Чтобы добавить хоть
что-нибудь к этому,
Надо быть богом —
меньше нельзя.

«Надо быть богом» — означает: надо быть творцом. Чтобы быть настоящим поэтом, нужна, помимо таланта, отвага. Иначе слово умрет, никогда не воскреснет, останется навсегда в пропитанных пылью, забытых книжках.

Михаил Львов часто обращается в своих стихах к Родине, воспевает дружбу и единство советских народов: «Сколько нас, нерусских, у России...» Редкостная по глубине своего смысла и лаконизму строка! Так сказать мог только поэт советской эпохи. С присущей ему афористичностью Львов выразил суть одного из самых замечательных завоеваний социалистического строя — братства народов.

И, выступая в 1977 году на вечере по случаю своего 60-летия в Политехническом музее в Москве, он сказал:

«Я благодарен друзьям за то, что вспомнили истоки мои, я сын двух удивительных народов — татарского народа и великого русского народа, который меня к поэзии приобщил, сделал поэтом.

Дружба народов — для меня — это святая, чудная наша реальность!..»

Поэзия Михаила Львова легкоузнаваема по ее афористичности, смелости и необычности образов, метафор, по мелодике, интонации стиха. Но для поисков, совершенствования в области формы нет предела. Поэзия живет вечно, вечно развивается и обновляется. Как сама жизнь.

Михаил Львов выпустил много поэтических книг. Дело, конечно, не в количестве написанного. В литературу, историю поэзии можно войти и с небольшим числом произведений, со звонкой бронзой отдельных стихов и даже строф. Ведь, в сущности, каждый настоящий поэт всю свою жизнь пишет одну книгу, стремясь выразить в ней самого себя, свои думы и надежды, свою эпоху. Время делает строгий и взыскательный отбор, отсеивая породу, оставляя золотые крупинки истинной поэзии. Михаил Львов принадлежит к той когорте современных поэтов, чьи стихи, можно надеяться, перейдут в будущее. И в этом, пожалуй, главный итог его большой и напряженной многолетней работы.

Олег ДОБРОВОЛЬСКИЙ